

бычи. Когда привели Агнца, Волк сказал: „Ты обещал мне хлеб, но этого не исполнил“. Лис добавил: „А ты мне обещал меру пшеницы – и не исполнил“. Тогда Агнец сказал Кролику, дрожавшему между Лисом и Волком: „Как я мог обещать Волку хлеба, ибо он его не ест, или пшеницу Лису!“ А Кролик – или жадный прелат – заявил, что собаки, коршуны и вороны выступили свидетелями в пользу Волка и Лиса, и вынес такое решение: „Поскольку Агнец не может исполнить обещание, я в качестве залога возьму его шкуру, то есть внешнюю субстанцию, Волк и Лис – жадные архидьяконы и сельские деканы – поделят между собой мясо, коршуны и вороны – приближенные и слуги – кишки, печень и легкие, а собаки – или светские правители – обглодают кости и жадно выпьют кровь бедняков"... Шкура означает движимое имущество, кости – имущество недвижимое и передаваемое по наследству. Едят плоть и пьют кровь, поскольку то, что нажито потом и трудами плоти, забирают насильно. Кишки, печень и легкие пожирают, когда похищают то, что добыто волнениями и тревогами. Вот как плохо поступают с невинными, когда судьей назначается вор и нечестивый из нечестивых, когда с помощью лжесвидетелей бедняков грабят те, кто их должен защищать!» Подобному толкованию гражданского процесса могли бы позавидовать многие (даже современные) ораторы, подвизавшиеся в политике.

За отдельными ветвями романа порой стоят и вовсе незатейливые истории. Так хрестоматийная басня о вороне и лисице превращается в историю Рейнарда и Корбанта, пересказать которую можно в нескольких словах, как это сделал Яков де Витри: «Когда ворон держал сыр в клюве, лисица, которую зовут Рейнардом, принялась нахваливать, что он хорошо умеет петь и что отец его, Корбант, пока был жив, всегда славился среди птиц своим пением, и еще принялась она уговаривать ворона, чтобы тот спел, ибо пение его для нее так приятно. И вот ворон, вняв пустым похвалам, раскрыл клюв, чтобы спеть громким голосом, а сыр выпал у него из клюва, а Рейнард, добившись своего, похитил сыр и скрылся». Примечательно, что автор изображает своего персонажа одновременно и в мужском, и в женском роде. Сюжет о Рейнарде и Шантеклере был пересказан в одном из сборников басен, приписываемых Эзопу, следующим образом: «Множество людей, не задумываясь о последствиях своих слов, говорят такое, из-за чего позднее им приходится раскаиваться и терпеть немало невзгод. Послушай-ка басню. „Как-то раз лиса, почувствовав голод, отправилась в деревню, нашла там петуха и сказала ему: „О господин мой петух, до чего прекрасный голос был у моего господина, отца твоего. Я пришла сюда, чтобы послушать твое пение. Прошу тебя, запой громким голосом, чтобы я, послушав, могла определить, твой или отцовский голос звучит лучше“. И петух, напыжившись и закрыв глаза, принялся петь. Лиса набросилась на него, схватила и потащила в лес. Жители деревни побежали за нею вслед, приговаривая: „Что это лиса утащила нашего петуха“. Тогда петух сказал лисе: „Послушай, госпожа, о чем это там толкуют грубые крестьяне. Скажи им, что петух, которого ты несешь, принадлежит тебе, а не им“. И вот лиса, выпустив петуха из пасти, произнесла: „Да своего петуха несусь, не вашего!“ Петух взлетел на дерево и добавил: „Лукавишь, госпожа моя, лукавишь. Ведь я их, а не твой“. И лиса, ударив себя по устам, ответила: „О уста, что говорите, чего мелете, кабы вы промолчали, то не упустить вам своей же добычи“». Так и многие помногу говорящие люди не могут избежать неприятностей». Этот сюжет (вторая ветвь романа) в XIV веке был использован Джеффри Чосером в «Кентерберийских рассказах». Чосер вложил в уста монастырского капеллана «Рассказ о петухе и курочке – Шантеклере и Пертелот», сдобрив весьма бесхитростную историю обильными сентенциями и классическими аллюзиями.

Третья ветвь «Романа о Лисе» также упоминается в проповедях Якова де Витри: «Слышал я о лисе, которого в народе называют Рейнардом, что он мирно приветствовал птичку, которую по-французски называют синицей, а она ему говорит: „Откуда идешь?“ А он: „С королевского собрания, где был клятвенно утверждён мир между всеми зверями и птицами. А поэтому, прошу тебя, давай поцелуемся примирения ради". – „Боюсь, как бы ты меня не схватил". А ей Рейнард: „Подходи, не бойся, я закрою глаза, чтобы тебя не поймать". Птичка подобралась ближе и стала летать вокруг, он же, разинув пасть, попытался ее схватить, но она успела ускользнуть от лиса, который хоть и дал клятву, однако был готов нарушить мир».

Порою о том, был ли позаимствован сюжет для пополнения коллизий «Романа о Лисе» или, наоборот, проник в новеллистическую литературу из романа, судят по присутствию или отсутствию у зверей имен собственных. Известно, что большинство из этих имен значимы. Медведь Брюн – «бурый», петух Шантеклер – «поющий зарю», собака Кортойс – «придворный лизоблюд».

«Роман о Лисе» весьма быстро распространился по Европе и шагнул в пограничные с фран-